

МУРЗИЛКА
№ 7
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
ИЮЛЬ 1957



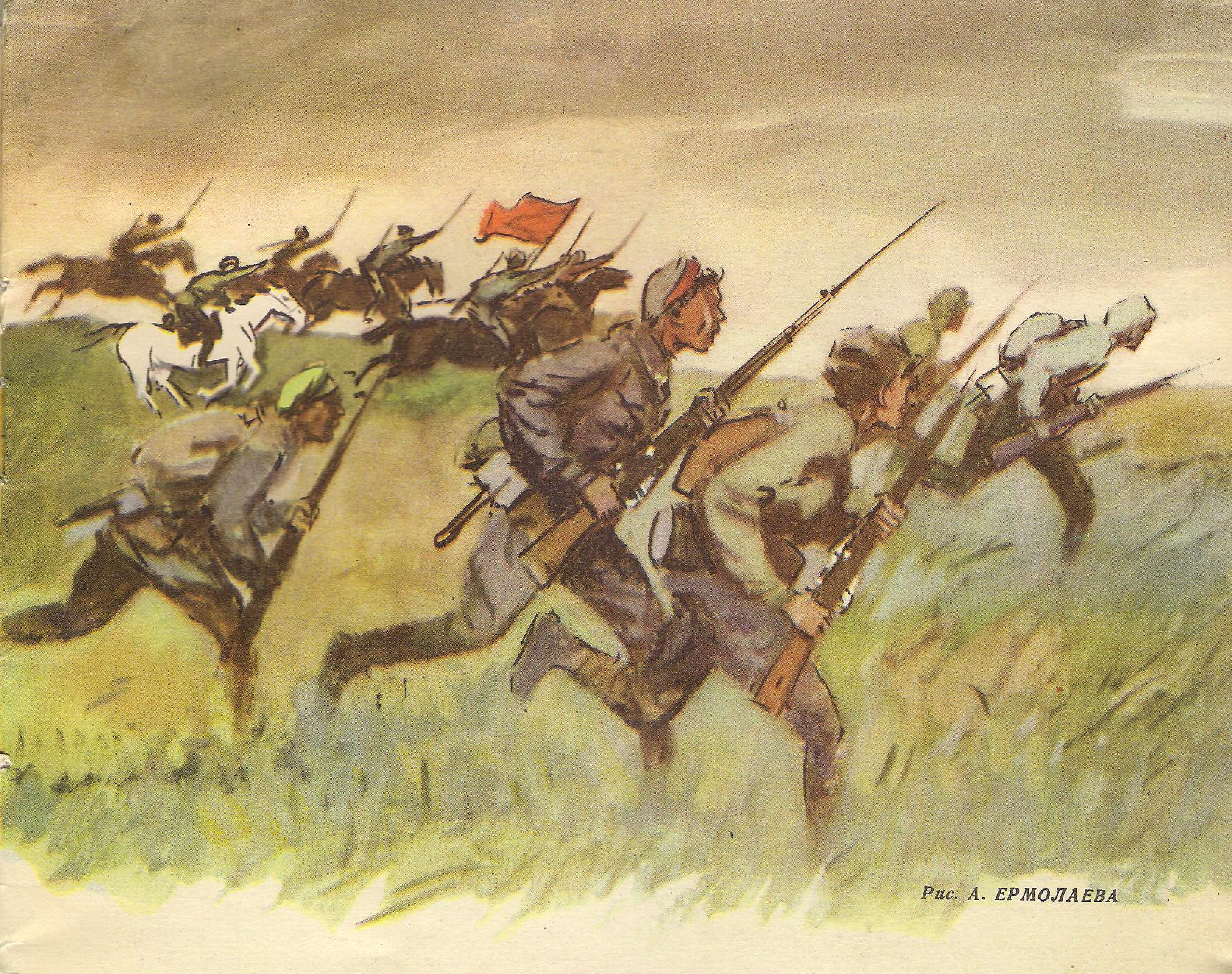


Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

С таким лозунгом шли в атаку на врагов народные бойцы, солдаты революции в годы гражданской войны.

На высоких шлемах алые звёзды, в руках звонкие сабли и меткие винтовки. В сердцах — мужество и стойкость.

Молодая республика рабочих и крестьян в опасности.

Сотни тысяч врагов окружили её со всех сторон — бывшие царские генералы Врангель, Колчак, Деникин, Юденич и разные интервенты: немцы, англичане, японцы, американцы.

Они были вооружены танками, аэропланами, подводными лодками, бронепоездами. У них было вдоволь снарядов и патронов.

Они хотели вновь поработить рабочих и крестьян, отдать власть царю с помещиками и капиталистами.

И вот в эти трудные для Советской республики годы великий пролетарский вождь Владимир Ильич Ленин обратился ко всем рабочим, крестьянам и солдатам Красной Армии со словами:

«Все должны быть на своём посту! Все должны отдать жизнь, если понадобится, для защиты Советской власти, для защиты интересов трудящихся, эксплуатируемых, бедных, для защиты социализма!»

И поднялись рабочие и крестьяне для защиты социализма, поднялась Красная Армия во главе с красными командирами Ворошиловым, Будённым, Фрунзе, Щорсом, Пархоменко.

А кому из вас, ребята, и поныне не снится чёрная бурка народного героя Чапаева и кто из вас не мечтает стать таким же сильным и храбрым, как легендарный начдив Котовский?!

Сильна и могуча наша армия.

Силён и могуч наш народ, отстоявший сорок лет назад Советскую республику от всех врагов революции.



ВРЕМЯ РЕСПУБЛИКИ

М. КОРШУНОВ *Рис. А. ЛИВАНОВА*

В большом механическом цехе Остуженского завода в Петрограде засели воспитанники морского училища — гардемарины, дворянские сынки.

Свои шинели они превратили в мешки с песком и заложили ими окна и двери цеха, оставив узкие щели — бойницы. На крыше, за каждой трубой, торчали их карабины.

Заводская ветка железной дороги тоже была захвачена гардемаринами. Маневровый паровоз «кукушонок» они забаррикадировали шпалами и установили на нём пулемёты.

Рабочий отряд осаждал гардемаринов долго и упорно, но выбить из цеха не мог: не хватало людей и патронов.

Командовал отрядом Алексей Кутный, мастер-механик, наладчик станков.

Несколько раз он водил своих людей в атаку, но добраться до здания цеха не удавалось: стреляли пулемёты с «кукушонка» — и приходилось отступать.

Но вот Алексею Кутному доложили — идёт подмога.

— Кто да кто? — спросил Кутный.

— Бабушкина гвардия, — ответил посыльный с улыбкой.

— А-а, хорошая подмога, — не сдержал улыбки и Алексей Кутный. А подмога действительно шла хорошая: боевые матросы.

Дело в том, что до революции старая царица была покровительницей гвардейского морского экипажа, и поэтому в народе матросов из экипажа в шутку называли «бабушкина гвардия».

Командир балтийцев доложил Кутному:

— Иван Чумаков. Назначен в ваше распоряжение.

За флотским лакированным поясом

Ивана Чумакова торчали запылённые гранаты и новенький сине-воронёный маузер.

— Задача, думаю, понятна? — сказал Кутный, показывая в сторону завода.

— Ещё бы не понять! Приласкаем господ бомбочками — и баста! — ответил Чумаков, не без удивления разглядывая Кутного, за поясом которого рядом со штыком торчал обыкновенный железный молоток на деревянной рукоятке.

Кутный поймал взгляд Чумакова, но ничего не сказал.

Договорившись о совместных действиях, моряки и рабочие повели осаду.

Часть моряков по пожарной лестнице взобралась на чердак соседнего с заводом дома и начала пристрелку по пулемётам на «кукушонке» и по засадам на крыше цеха.

Остальные моряки и рабочий отряд двинулись в атаку, укрываясь за чугунными фонарями, мотками проволоки, навалами угля.

В горячем свинцовом стуке задрожали стволы пулемётов на «кукушонке».

Пришлось залечь.

Но тут с чердака полетели в пулемёты гранаты.

Дым!

Пламя!

— Цепь, вперёд! — первым поднялся Алексей Кутный.

Гардемарины отбивались беглым огнём, но остановить атаку уже нельзя было: пулемётная зона была пройдена.

Связкой гранат подорвали двери цеха, вскочили внутрь и сошлись врукопашную.

Постепенно гардемарины сопротивление прекратили. Их согнали в кучу, отобрали оружие.

И вдруг в наступившей после боя тишине раздался стук молотка. Это Кутный обходил цех и привычными к работе руками механика-наладчика выстукивал токарные и сверлильные станки: где что не в порядке.

Подобрав кусок отбитой пулей штукатурки, он отмечал повреждённые части станков.

Один за другим к Кутному присоединились и все рабочие из его отряда. Они тоже начали оглядывать хозяйство цеха, расчищать цех от мусора и обломков.

Иван Чумаков выстроил пленных, пересчитал их и подошёл к Алексею Кутному:

— Прикажете следовать в комендатуру?

— Следуйте, — кивнул Алексей Кутный, внимательно вслушиваясь в звон какой-то шестерёнки.

Чумаков засунул за пояс свой новенький маузер и козырнул Кутному на прощание.

Он теперь не удивлялся, что Алексей Кутный держал в руках молоток: это был не только командир революционного отряда, но и рабочий человек, который берёг время Республики.





Борис ЗАХОДЕР

ШОФЁР

Хочу —
Лечу
Во весь опор!
Я сам шофёр
И сам мотор:
Нажимаю
На педаль,
И машина
Мчится вдаль!

СЛЕСАРЬ

Мне нужны такие вещи:
Молоток,
Тиски
И клещи,
Ключ,
Напильник
И ножовка,
А всего нужней —
Сноровка!



САПОЖНИК

Мастер, мастер,
Помоги —
Прохудились
Сапоги!
Забивай покрепче
Гвозди —
Мы пойдём сегодня
В гости.



ПЕРЕПЛЁТЧИЦА

Заболела
Эта книжка —
Изорвал её
Братишка.
Я больную
Пожалею:
Я возьму её
И склею!





ПОВАРА

Мы, ребята, —
Повара.
Мы
Готовить мастера:
Мы состряпали
Обед
Из варенья
И конфет!



Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

МОНТЁР

До чего же он хитёр,
Этот маленький монтёр:
Он у нас
Проводит свет
Только там,
Где тока нет!



ПОРТНИХА

Целый день сегодня
Шью.
Я одела
Всю семью.
Даже плюшевому Мишке
Сшила новые штанишки!



СТРОИТЕЛИ

Пусть не сердятся родители,
Что измажутся
Строители,
Потому что тот, кто строит,
Тот чего-нибудь да стоит!

И неважно, что пока
Это домик из песка!



Лесли РИЗ

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

СКАЗКА

Сокращённый перевод с английского
И. АРХАНГЕЛЬСКОЙ

Гекко был очень обижен. Опять про него забыли! Только что он выглянул из оконца своей хижины, построенной из древесной коры, и увидал, что все лесные жители снова отправились в гости.

Громко болтая сама с собой, пролетела попугаиха Герти Гала. Следом за ней прыгал между деревьями кенгуру Сэм Уоллаби. Промчался Ронни Кролик с женой. А за ними, переваливаясь с боку на бок, торопилась медведица Коала с медвежонком на спине.

«Почему они никогда не зовут меня на свои праздники? — думал Гекко. — Может быть, оттого, что я такой маленький и незаметный? Может, у меня слишком большие лапы?»

На глаза навернулись слёзы, но Гекко решительно смахнул их. «Ну и пусть! Не хотят брать меня с собой — и не надо! Обойдусь и без них. Пойду-ка лучше поймаю жучков на ужин».

А это было не так-то просто — ловить зелёных и золотистых жуков. Охотясь, Гекко размышлял: может, это к лучшему, что он не пошёл на званый вечер, ведь сегодня как раз очередь Джека Кукабарры принимать гостей. А Гекко был почему-то уверен, что Джек Кукабарра никогда не станет его другом.

Вы уже, наверно, догадались по картинке, что Гекко — маленькая ящерица. Люди прозвали его «Гекко» потому, что, когда он начинал щёлкать языком, у него получался в точности такой звук: «гек-ко». У Гекко были большущие круглые глаза без ресниц и мягкая гладкая кожица, покрытая крошечными чешуйками.

Обычно кожица у Гекко была цвета мёда, но он мог менять её окраску под цвет камней, на которых ему случалось отдыхать. Хвост у Гекко был широкий, толстый и короткий. Но удивительнее всего были его лапы. Каждый палец у Гекко кончался круглой подушечкой, и лапы его напоминали цветок с широкими лепестками или пятерню разношенных перчаток.

Гекко любил забираться под кору деревьев или под камни. Неизвестно почему, люди решили, что он ядовитый и кусается. Гекко просто оклеветали! На самом деле он очень добрый и хорошо воспитанный малый. «Я никогда никого не укушу, разве только жука или муху, — говорил Гекко.— И, уж конечно, ничуть я не ядовитый». Он просто возмущался, когда слышал такие поклёпы на себя. Ему хотелось со всеми жить в дружбе.

И вот как раз в ту минуту, когда Гекко доедал единственного жука, которого ему удалось поймать, раздался стук в дверь. Кто же, вы думаете, это был? Сам Джек Кукабарра!

— Здравствуй, Гекко! — сказал Кукабарра, глядя на Гекко поверх своего ог-



ромного клюва. — Хочешь пойти сейчас ко мне в гости? Все уже собрались.

Гекко так удивился, что не знал, что и ответить.

— Х-хорошо, — сказал он и пощёлкал языком. Гекко очень обрадовался, хотя ему показалось странным, что из всех обитателей кустарников именно Джек Кукабарра пригласил его.

— Я полечу вперёд, — сказал Джек, — а ты беги следом.

— Оч-чень хорошо, — сказал Гекко.

Он быстро юркнул в кусты, проскользнул между густыми папоротниками и добежал до маленькой речки, вьющейся среди густых зарослей акации. Джек жил по ту сторону. Прямо в речку упал эвкалипт. Гекко в мгновение ока проскочил по его ветвям на другой берег и побежал к старому шалашу на краю огородов, в котором местный фермер держал когда-то свой плуг. Под самой крышей этого шалаша жил теперь Джек Кукабарра.

«Неужели Джек решил завести со мной дружбу?» — думал Гекко. Он немного боялся. Но тут как раз вспомнил, что говорила ему мать, когда он, Гекко, ещё не вылупился из яйца.

Гекко никогда не видел своей матери, но давно-давно, в те дни, когда Гекко лежал, туго запакованный в овальное белое яйцо, он слышал нежный голос, словно тёплый ветерок в папоротниках, шептавший ему о том, что он должен сделать, если на него нападёт враг.

«Все Гекко всегда делают так, — шептала мать. — Помни об этом, всегда помни!»

И всё-таки сердечко Гекко трепетало, когда он постучался в дверь и Джек Кукабарра впустил его. Вокруг стоял шум и гам.

— Как, и Гекко пришёл? — сказал Джек, притворяясь удивлённым. — Как ты попал сюда, Гекко? Впрочем, хоть Гекко и маловат, да и лапищи у него огромные, но, я полагаю, что мы всё-таки можем принять его в нашу компанию. А, Гекко?

Конечно, очень невежливо так представлять нового гостя, но Гекко смолчал.

И вдруг Джек Кукабарра объявил, что угощения не будет.

— Я хотел устроить угощение, но ведь вы едите всякую всячину. Что же мне, готовить для вас разные блюда, что ли?! И траву, и мясо, и бабочек, и червяков?

Гости очень огорчились, хотя они отлично знали, что Кукабарра был жадным и злым. И большинство гостей, перед тем как идти к Джеку, благоразумно закусили.

Потом Джек затеял игры.

Каждый гость должен был показать своё искусство.

Представление открыл Джек Кукабарра. Только он умел так хохотать!

— Хо-хо-хо-хо-хо, ха-ха-ха! — заливался он. — Хо-хо-ха-ха-ха-хох-хох-хох! Ха! Ха!

Попугаиха Герти Гала спела песню, которую однажды слышала от людей.

Кенгуру Сэм Уоллаби показал, как он может крутить ушами. Кролики помахали хвостиками, а медведица Коала спела колыбельную своему малышу, который, кстати, вёл себя прекрасно.

— А теперь, — сказал Джек Кукабарра, — очередь Гекко. Что же ты нам покажешь? Надеюсь, что-нибудь необыкновенное?

По тому, как Джек сказал это, Гекко почувствовал, что тот не верит в него, не верит, что Гекко вообще что-то умеет делать, и позвал его в гости лишь для того, чтобы посмеяться над ним.

— Выходи же! — громко продолжал Джек Кукабарра.

— Хорошо, — сказал Гекко. — Я могу... я могу пройти по потолку, если вы хотите.

— Что-о-о?.. — Кукабарра был потрясён.

— Ты хочешь сказать — вниз головой? — спросил Ронни Кролик.

— Как муха? — удивилась Герти Гала.

— Смотрите! — крикнул Гекко и в одно мгновение пробежал по стене, а потом так

же просто побежал вверх ногами по неровному потолку хижины.

Все были поражены. Ведь только мухи могли так бегать! А Гекко остановился возле какой-то чёрной точки на потолке. Это как раз и была муха. Гекко выбросил свой толстый клейкий язык и схватил её. Все так и ахнули. Подумайте только! Перевёрнутая вверх ногами ящерица схватила перевёрнутую вверх ногами муху!

— Браво! Браво! — закричали все звери и птицы — все-все, кроме Джека Кукабарры.

— Ура! — кричал громче всех Ронни Кролик.

— А я этому не верю, — сказал Джек. — Впрочем, если он так может, я тоже могу.

— А ты попробуй! — сказал Гекко.

И Джек Кукабарра попробовал. Он замахал крыльями и проковылял немного по стене. Он ещё сильнее замахал крыльями и почти добрался до потолка. И тут, выбившись из сил, рухнул вниз.

Сэм Уоллаби подскочил к Кукабарре и поднял его. Джек был цел и невредим, и все гости захохотали. А Джек не любил, чтобы над ним смеялись.

— Уходите отсюда! — сердито буркнул Джек, ероша перья.

— А ты погляди, как я это делаю, — простодушно сказал Гекко. — Ты вот смеёшься над моими лапами, а это они мне помогают. Они цепляются за потолок и держат меня.

И Гекко стал героем вечера, а Джек Кукабарра сделался мрачнее тучи и всё время молчал.

Отныне Гекко стали приглашать на все лесные праздники. И каждый раз он показывал, как он умеет бегать вверх ногами по потолку. Гекко стал самым известным зверьком в лесу. А Джек Кукабарра сердился на него всё больше и больше. Он говорил, что Гекко сделал из него посмешище, да притом в его же собственном доме.

Прошло много времени. Однажды кто-то постучал в дверь хижины Гекко. Это был Джек. Гекко очень удивился. Он никак не ожидал, что Кукабарра когда-нибудь снова придёт к нему.

Джек как-то странно улыбнулся.

— Завтра, — сказал он, — опять моя очередь устраивать званый вечер, и я хочу, чтобы ты пришёл.

— Х-хорошо, — всё ещё удивляясь, сказал Гекко.

— И захвати для себя несколько мух, — прошипел Джек на прощание.

Гекко наловил мух и на следующий день отправился в гости.

Подойдя к дому Джека Кукабарры, Гекко не услышал обычного веселья. Странно! Гекко остановился на кучке сухих, тёплых от солнца листьев. Он взглянул на соседнее дерево и вдруг увидел Джека Кукабарру. Тот сидел на низкой корявой ветке и пристально глядел на Гекко.

Джек молчал, и тогда Гекко пробормотал:

— К-к-как же насчёт вечеринки, Джек?

— Не будет вечеринки, — ответил с ветки Кукабарра.

— Не будет? — переспросил Гекко. — А я... я принёс мух...

— Ах, ты принёс? — прохрипел Джек.— А я вот не принёс себе змею. И, знаешь, почему?

— Н-н-нет, — пробормотал Гекко.

— Потому что я хочу съесть тебя. Вот почему! — шипел Джек Кукабарра. — Я сказал тебе, что будет вечеринка, чтобы ты пришёл сюда один. И не вздумай удрать: я настигну тебя в тот же миг.

— Н-но, Джек... — заикнулся было Гекко.

— Какой я тебе Джек! — закричал Кукабарра.—Я всегда тебя не терпел. И твоя дурацкая беготня по потолкам мне тоже противна. Погоди, ты у меня побегаешь!..

Гекко растерялся. И вдруг он вспомнил! Гекко вспомнил тот нежный голос, который нашёптывал ему давно-давно, когда он ещё лежал в яйце, как надо поступать, если на него нападёт враг.

И вот, когда жестокий Джек Кукабарра ринулся с ветки вниз, маленький Гекко вдруг громко защёлкал языком, подпрыгнул вверх и хлестнул хвостом по ветке. Хлоп! Тут случилась странная вещь: хвост у Гекко оторвался! Да не только оторвался, а стал извиваться и подскакивать! И самое удивительное — хвост как будто еще попискивал при этом!

А Гекко, покинув свой хвост, уже нёсся по густому лесу. Джек Кукабарра достиг

земли и схватил хвост. Он, конечно, думал, что это сам Гекко, и взмыл со своей добычей вверх.

Однако очень скоро Джек понял, что он сцапал. И так удивился, что от неожиданности уронил хвост в кусты.

А Гекко замер в своём убежище. Потом осторожно выглянул из-под корня эвкалипта и вдруг услышал рядом с собой чей-то голос. Гекко подскочил от испуга.

— Не бойся, это я, — прошептал Ронни Кролик. — Клянусь честью, ты поступил умно. Я всё видел. Так оторвать хвост!

— Это мать научила меня, когда я был ещё в яйце, — сказал Гекко, тихонько вздрагивая от страха. — Понимаешь, когда хвост пляшет, все думают, что это я сам, а я тем временем удираю. Все Гекко так делают!

— А это не больно? — спросил Кролик.

— Нисколечко, — сказал Гекко, хотя только сейчас понял, что ему всё-таки было больно. — Это легко. И надеюсь, у меня отрастёт новый хвост.

В свою прежнюю хижину Гекко не вернулся. Он нашёл новый дом, о котором Кукабарра не знал. Очень скоро Гекко заметил, что у него и вправду отрастает новый хвост. В гости Гекко ходил теперь только тогда, когда был уверен, что не встретит там Джека. А так как ночью Джек всегда спал, сидя на дереве, то Гекко ходил теперь на ночные пиршества.

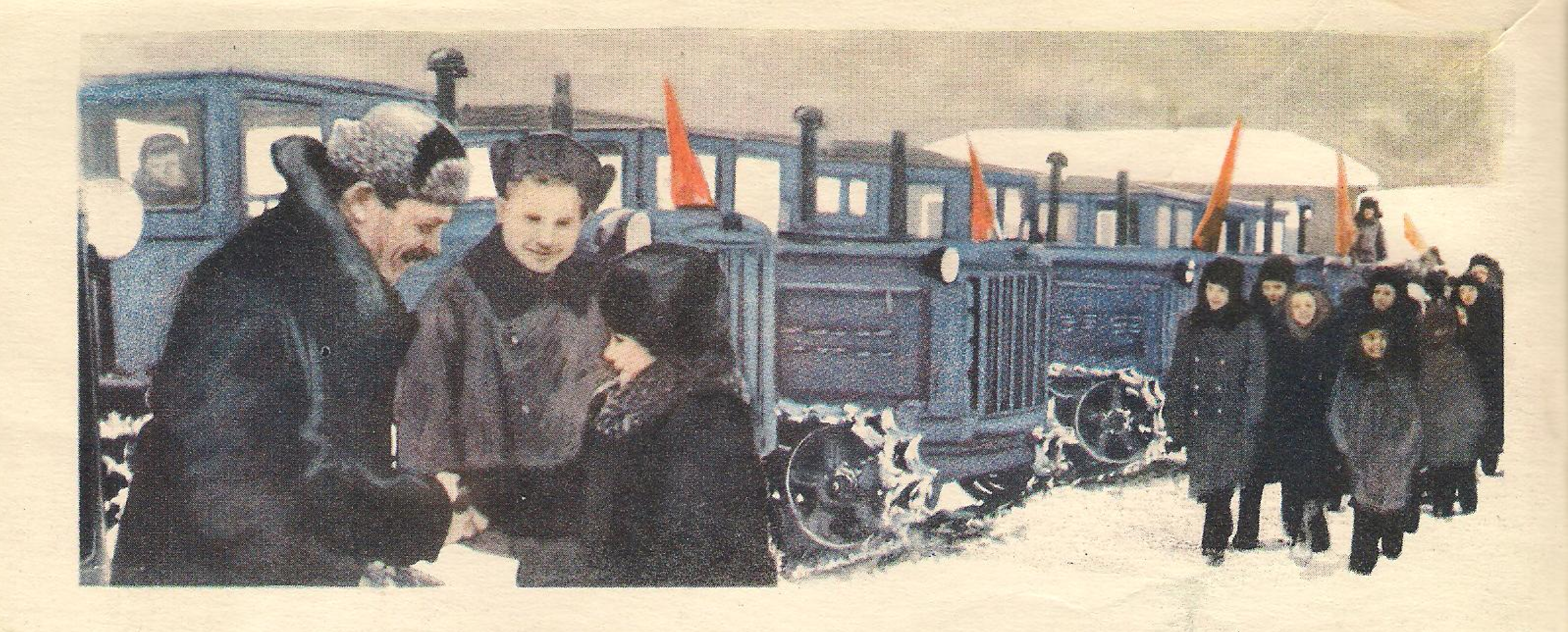
Однажды вечером он повстречал Ронни Кролика. Розовый закат сменялся мерцающими сумерками. В ручье заквакали лягушки, монотонно застрекотали сверчки в потемневшем кустарнике.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Ронни.

— Очень хорошо, — сказал Гекко. Он заметно поправился. — Понимаешь ли, ночью столько жуков и букашек... Я ем их вдоволь.

Так, значит, вот почему Гекко — эти безобидные и забавные существа, которых можно встретить во всех уголках Австралии, любят поздние прогулки. Еды ночью гораздо больше, а опасностей куда меньше — в эту пору их никто не съест.





Харьковский пионер Женя Янютин вручает паспорта машин трактористу Альбиту Денисовичу Стоцкому.

ПИОНЕРСКИЙ ПОДАРОК ЦЕЛИННИКАМ

Г. КАЛУГИН

Фото М. ПАЛАМАРЧУКА

„ХТЗ“

Каждый знает, что человек не может прожить без хлеба. Поэтому в нашей стране такой почёт воздают хлебопашцам. Но для того чтобы хлеб хороший родился, надо много труда положить не только колхозникам, но и рабочим.

Вот идёт новенький трактор. А кто прислал трактор в деревню? Рабочие. Даже можно сказать точно, какие рабочие, если подойти поближе и посмотреть на его марку. Три буквы выдавлены на тракторе: «ХТЗ» — Харьковский тракторный завод.

Значит, харьковские рабочие прислали в деревню этот трактор.

Но в тракторе заложен труд не только рабочих «ХТЗ», а ещё и тех, кто металл добывал. Чем больше металла, тем больше тракторов. А чем больше тракторов, тем больше пшеницы, ржи, ячменя, картошки и других сельскохозяйственных продуктов. Вот, оказывается, как всё бывает.

Многие из вас это отлично знают, и поэтому собирают металлолом. Ходят ребята



Хорошо играет Роза Шудубаева на домбре! А для украинских гостей ей хочется сыграть ещё лучше.

по дворам: находят старые кастрюли, дырявые чайники, всякие железные обломки. На заводе всё это переплавят, отличная сталь будет! И можно тогда из неё тракторы делать, и велосипеды, и моторы для морских катеров, а можно и какие-нибудь станки.

А вот харьковские пионеры придумали по-другому. Решили собирать металлолом, отдать его на «ХТЗ», там из него тракторы сделают, и они, пионеры, подарят эти тракторы комсомольцам целинных земель.

СКАЗАНО—СДЕЛАНО...

Конечно, когда шли пионеры на завод, то очень волновались. А вдруг их не пропустят и разговаривать не станут! Но их пропустили и провели к директору завода товарищу Саблеву.

И вот началась оживлённая беседа. Обдумывали и решали, сколько металла надо собрать. Как скоро пионеры смогут это сделать? А потом в украинской газете «Зірка» было напечатано письмо пионеров-харьковчан: «Соберем 50 тысяч тонн лома. Построим пионерскую колонну тракторов в подарок комсомольцам целины».

Прочитали обращение харьковских ребят пионеры и в Киеве, и в Одессе, и в разных маленьких украинских городах тоже прочитали. И началась дружная работа. Каждый старался вовсю, потому что лучшие должны были сопровождать тракторы в Казахстан.

А кому из ребят не хотелось поехать на целину и посмотреть всё своими глазами! Да ещё не так просто поехать, как туристы ездят, а с особым пионерским заданием.

Через несколько дней в Харьков пришла первая телеграмма из города Марганца, что на Днепропетровщине: «Собрали шесть с половиной тонн лома. Работу продолжаем!»

И полетели телеграммы: из Херсона и Мелитополя, из Донбасса и Киева... А в цехах завода уже кипела работа.

Шумел и гудел тракторный город «ХТЗ»!



Любу Ольховскую наградили значком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель». Даша Асанова поздравляет подругу с наградой.

130 ТРАКТОРОВ!

В тот день много народу собралось на заводском дворе.

Был настоящий праздник! И неудивительно, потому что пионеры, да и не только они, давно дожидались этого дня. Когда хорошо потрудишься, всегда хочется узнать результаты своего труда. А результаты были отличные!

Много раз ребята пересчитывали, сколько тракторов стояло на платформах во дворе. И всё равно получалось 130! Значит, не ошиблись они в счёте. Подумать только, что все они сделаны из металлолома, который валялся без дела!

130 тракторов были готовы отправиться в путь — новенькие, блестящие, они отлично поработают на целинных землях.

А вместе с ними уезжали и одиннадцать лучших пионеров: Лёша Бородкин, Витя Самойленко, Люба Ольховская, Галина Пантелеенко и другие ребята.

Далёкий путь лежал перед ними, через всю нашу страну. Ехали они к друзьям — в Казахстан!

Вот какое большое государственное дело сделали украинские пионеры!

О деде Романе

Геннадий МАМЛИН

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Вы слышали сказку
о деде Романе,
что жил со старухой
в лесной глухомани

в избе кривобокой,
в избе невысокой,
где крыша покрыта
сухою осокой,

где в окна глядели
таёжные ели,
глядели,
как дед со старухой
старели...

Гадала старуха:
— Ну что за причина —
судьбой недоволен,
ворчит старичина?

То жёстко и сыро
ему на печи,
то щи
не по вкусу ему,
горячи.

Не вовремя холод,
не к месту жара,
изба неказиста,
старуха стара.

Взвалил он однажды
котомку на плечи.
— Далече ли, старый?
— Прощай, мол, далече!

Пойду поброжу я
по белу по свету,
как люди живут
погляжу.
Не посетуй!

— В какие края-то?
— Пойду прямиком
за ветром шальным,
за лесным ветерком.

С рассвета
за ветром он шёл
до заката.
А много ли сил
у него, старика-то?

Прилёг он,
укрылся худым армяком.
А ветер, что прежде
летел прямиком,

над старым решил
посмеяться чуток:
летел он на запад —
свернул на восток.

Проснулся старик,
оглянулся вокруг.
— Поклон тебе, ветер,
веди меня, друг!
С рассвета
за ветром он шёл
до заката.



Изба
у речного
стоит
переката.

Старик удивился:
— Скажи ты на милость!
Избёнка,
совсем как моя,
покосилась.

Такие же ели
над ней, невысокой,
и крыша покрыта
сухою осокой,

и ветхие двери
обиты рогожей.

А всё же избёнка
моей попригожей!

Старуха сидит
у окошка резного.
— Скажи ты!.. —
старик
удивляется снова.

— Моя-то старуха
на эту похожа,
хоть эта, конечно,
моей помоложе.

Старик до земли
поклонился с трудом:
мол, здравствуй,
не пустишь ли
странника в дом?

Старуха взглянула
знакомо и строго:
— Уж если пришёл —
так не стой у порога.

Старик за столом,
в землю накрепко вбитом,
вчерашние щи
похлебал с аппетитом.

— Вовек мне таких
не варила старуха!.. —
Забрался на печь:
тут и мягко и сухо!

— Вёрст за сто, не боле,
ушёл я от дому,
а люди живут здесь
совсем по-другому.

Спасибо, хозяйка,
за хлеб и за ласку... —
Зевнул —
и уснул.

И окончилась сказка...

Но если к тебе
без причины особой
однажды придёт
недовольство,

попробуй
подумать над сказкой
о деде Романе,
что жил со старухой
в лесной глухомани.





Рис. Е. АДАМОВА

ТРУМ-ТРУМ

В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

На закате солнца началась гроза и прихватила часть ночи.

Молнии полыхали так ярко, что в тёмной комнате я видел секундную стрелку на часах. Грохот стоял такой, словно горы валились в Телецкое озеро из поднебесья. Никто не спал в доме: всех напугали могучие и страшные удары грома.

Я вышел на террасу в полночь. Гроза уже ушла вдоль Бии, в привольные алтайские степи, где тучные хлеба давно соскучились по дождю. В чистом небе мерцали зеленоватые звёзды.

По тропинке от деревни быстро шла девушка с фонарём. Фонарь, покачиваясь, освещал её босые ноги и край юбки. Ноги скользили по мокрой и грязной земле.

В тихом ночном воздухе стали слышны шаги девушки: тяп-тяп-тяп! А когда она подошла ближе, я узнал её и окликнул:

— Что случилось, Дина?

Она подняла фонарь высоко над головой, чтобы увидеть меня.

— Пропал Антон Иванович! Ушёл в тайгу перед грозой и не вернулся. Девушки послали меня за вами: мы идём на поиски, да одним-то нам страшно!

Я надел сапоги, и мы побежали с Диной к Артыбашу — маленькой деревушке, где недавно поселились Антон Иванович и его студентки.

В деревушке меня и Дину поджидали две студентки, и наш маленький отряд двинулся в горы, в тайгу.

Тяжело дыша, мы взобрались за полчаса на первый высокий холм и стали кричать. Эхо разнесло голоса далеко по окрестным горам, но Антон Иванович не отзывался.

Дина с фонарём осторожно спустилась в распадок, где вода так и хлюпала под ногами, и полезла на крутую гору. Мы шли за ней. Тайга стала гуще и темнее, над нашими головами всюду синели длинные иглы кедров, унизанные каплями росы.

Крикнула Дина, крикнули её подруги, крикнул и я. И вдруг где-то справа, чуть



ниже нас, послышалось приглушённое: «Ге-ей!..» Кричал Антон Иванович.

Мы пробежали по гребню метров триста, спотыкаясь о камни, и снова закричали, на этот раз хором.

В кустах послышался треск, и мокрый Антон Иванович вырос перед нами: он стучал зубами и зябко поёживался.

Антон Иванович подал мне руку. Рука была холодная, как лягушечья лапа.

— Ну и следопыты пошли! — невольно рассмеялся я, разглядывая дрожащего Антона Ивановича.

— И не говорите! Оплошал!.. Но не жалею: насмотрелся, наслушался, будет что рассказать моим милым спасительницам, — улыбнулся он студенткам. — А теперь пошли! На печку бы сейчас да молочка бы горячего: душа тепла просит!

Мы пошли под уклон, часто хватаясь за кусты, чтобы не ехать по скользкой тропе на «пятой точке», как это делают ребятишки, катаясь зимой с ледяной горки. Антон Иванович понемногу отогрелся и начал припоминать, как он заблудился.

Я слушал его и думал, что редко встречаются вот такие люди, которым всё интересно в природе: и травка, и птичка, и какая-нибудь зверушка.

Ведь ещё с неделю назад, когда мы ехали на Телецкое озеро, он загляделся на полосатого бурундука, который долго мчался по дороге перед машиной. Машина настигла его. Он закружился перед самым радиатором, цыкнул, как птичка, и скрылся за обочиной дороги в траве.

— Трум! — сказал тогда Антон Иванович и чуть не вывалился за борт: так ему хотелось узнать, куда запропастился бурундук.

— Вспомнили что-то, да? — спросил я.

— Так, пустячок! А вообще-то забавен этот зверь, бурундук. Бывалые люди говорят, что во время грозы, когда раскаты грома сотрясают горы, тайгу, такой вот бурундучишка садится на камень или на пенёк, закрывает уши лапками и жалобно кричит: «Трум!» Только сам я этого не видел. А проверить хочется.

Отправляясь в тайгу сегодня вечером — погулять, что-нибудь увидеть и записать в книжечку, Антон Иванович и не вспо-

мнил о том нашем разговоре в пути. Но мысль повидать бурундука где-то таилась. И когда зверёк встретился, всё было забыто: и ночь и непогода.

Правда, поначалу Антон Иванович увлёкся ягодами: заросли чёрной смородины и малины начинались прямо за деревушкой и уходили далеко в горы.

Чуть дальше он увидел стаю жёлтоклювых альпийских галок. «Ка-га-га!» — кричали птицы. Они парили над тайгой, как маленькие орлы. «Криу! Криу!» — падали они далеко вниз и сейчас же легко взмывали над скалами.



Антон Иванович позабыл про ягоды и принялся наблюдать птиц: он их видел вблизи первый раз. Разумеется, он знал, что этих галок любят алтайцы, любят за то, что они совсем неплохо предсказывают погоду. Стоит галкам появиться в низинах тёплым осенним днём, и алтайские чабаны уже начинают перегонять стада с гор на зимние пастбища. Примета верная: уходят галки с высоких утёсов — значит, скоро засвистят по ущельям снежные бураны. А улетят галки в конце зимы из долин высоко в горы — значит, за перевалом уже весна: идёт с цветами, с травой-муравой и тёплыми дождями.

А вот почему галки тревожно кричали сегодня вечером, потом вдруг замолкли и попрятались среди скал, этого Антон Иванович не знает. А знать бы не мешало: они укрылись от грозы.

Антон Иванович вскоре услыхал отдалённые раскаты грома, но почему-то решил, что не его испугались птицы и что туча может пройти стороной. А тут как раз выскочил из норы под кедром бурундук и начал бегать по поляне.

Он что-то подбирал на земле, тащил в нору; вылезал оттуда, задирал мордочку к небу, свистел и прислушивался.

А когда громыхнуло совсем рядом и, цепляясь за ветви кедров, надвинулась чёрная туча, закрывая небо, деревья и землю, шустрый бурундук сделался вялым. Словно нехотя залез он на обомшелый валун, обмяк, вобрал голову в плечи и жалобно крикнул: «Трум!»

Гром гремел всё сильнее, и бурундук прижимался к валуну всё крепче; потом приложил лапки к ушам и крикнул ещё раз: «Трум!»

Антон Иванович был счастлив! Он достал книжечку и стал зарисовывать жалкую фигурку на камне. Но вокруг разлилась такая темень, что карандаш ходил по бумаге непослушно. Да и брызнуло вдруг как из ведра! Сверкнула молния, и ударил гром так близко и так тяжело, что Антон Иванович закрыл глаза и схватился за голову, как бурундук. А когда огляделся, зверька словно ветром сдуло.

Теперь Антон Иванович стоял прямо в грозовой туче, среди молний. Гром гремел почти беспрерывно. Пушечные его удары подхватывало и далеко разносило эхо. Тайга и горы грозно гудели. Потоки ливня хлынули со шляпы за воротник и холодными струйками побежали по спине.

В ушах шумело, ноги тряслись, и Антон Иванович, почти глухой и ослепший, без сил привалился к кедру.

— Как хорошо! — шептал он. — Какая чудесная гроза!

По оврагу, чуть ниже кедра, у которого стоял Антон Иванович, загрохотала вода, словно где-то вверху прорвало плотину. При каждой вспышке молнии было видно, как мутная лавина мчит вниз камни, старые ветки и шишки кедров.

Гроза стала кончаться, когда Антон Иванович понял, что потерял тропу и заблудился. Конечно, озеро где-то там, куда стремится этот грохочущий поток воды и грязи. Но идти напрямик по траве, в которой можно утонуть с головой, и пробираться через густые кусты, которые цепко держат тебя и больно бьют по лицу, — нет, это свыше сил! А обрывы? Шагнёшь впотьмах и полетишь в пропасть.

И Антон Иванович решил стоять под кедром до рассвета — коротать в горах холодную летнюю ночь.

Он вылил воду из ботинок, кое-как выжал пиджак, брюки, белье, оделся и начал притопывать, чтобы согреться. Но по спине прополз холодок. Пришлось размахивать руками и даже пускаться в пляс.

«Мокрые не зябнут, если двигаются вот так, как я», — думал он и всё чаще выбивал дробь ногами. И, подбадривая себя, приговаривал в такт:

— Ну, давай ходи, Антоша, ходуном! Ты когда-то был хорошим плясуном!

Этот весёлый ночной танец в тайге так захватил Антона Ивановича, что он



не сразу услыхал наш крик. А когда понял, что зовут его, ответил осипшим и приглушённым голосом, словно из подземелья.

...Теперь всё это было позади.

Дина несла фонарь и освещала тропу. Молча слушая смешной, но и печальный рассказ Антона Ивановича, мы двигались за ней цепочкой.

На задворках Артыбаша проснулась чья-то собака. Она тявкнула спросонья два-три раза, загремела цепью, громко зевнула и умолкла.

— Вот мы и дома! — сказал Антон Иванович, шагая по улице. — И наговорился и почти отогрелся, а всё же нужно мне на печь, только на печь! И молочка бы горяченького.

— В своих руках мигом согреем, — сказала Дина. — А уж в другой раз одного в тайгу не пустим!..

Я взял фонарь, распрощался и ушёл.

Хорошо было идти вдоль огромного и спокойного озера в эту тихую звёздную ночь! И на душе было легко и радостно: случай в тайге как-то сблизил меня с новыми друзьями.

Что они делают сейчас?

Антон Иванович переоделся во всё сухое. Свесив босые ноги, он, наверно, сидит на печке, блаженно щурит глаза от яркого света лампы и говорит, говорит о том, как стоял на вершине горы среди молний.

Девушки готовят ужин, хлопочут у керосинки. Они греют молоко для своего учителя, и на душе у них светло: как ни говори, а только ради них совершил он этот маленький подвиг в тайге.

И ведь не герой Антон Иванович! Нет! Но он очень любит своё дело, свою науку. И эта его любовь уже передалась девушкам, она горит в их сердцах.

А после этой ночи в тайге они уже видят, что без такой горячей любви к науке жить им нельзя, как и нельзя понять, как богата и как красива наша земля.

Л. ВОРОНКОВА

ТРУДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ



Яшка Маков сидел в пустом классе и думал. Сегодня у него опять случилось происшествие. Староста класса Женя Голубкова посмотрела его тетрадку и сказала:

— Это что какой неряха! Вся тетрадь в кляксах. И задачу не решил. Из-за тебя наш класс по успеваемости отстанет!

Яшка рассердился:

— Подумаешь, учительница нашлась!

Отнял тетрадку, а Женю оттолкнул. Да так оттолкнул, что она чуть не упала.

«Но ведь не упала же! — думал Яшка. — Во дворе ещё и не так ребята толкаются, да никто не жалуется. А уж они по всему интернату раззвонили!..»

Когда ребята побежали жаловаться воспитательнице Марье Петровне, Яшка насупился, как ёж. Сейчас Марья Петровна начнёт его бранить. А он тогда скажет!..

«А я не хочу у вас тут жить. Я лучше домой пойду. Дома гуляй, сколько хочешь, хоть до ночи, — скажет он Марье Петровне, — а здесь всё только по расписанью!»

Вот пускай тогда Марья Петровна его уговаривает.

Но Марья Петровна не стала бранить Яшку. И уговаривать не стала.

Она сказала:

— Ты обидел девочку, Яша. Тебе надо извиниться перед ней!

Яшка вспыхнул от обиды:

— Вот ещё! Буду я извиняться!

— В таком случае мы пойдём гулять, а ты посиди и подумай — прав ли ты? Ничего нет обидного извиниться, если ты был груб с человеком.

И Яшка остался один в классе. За окном светило солнце, зелёные ветки тополей заглядывали в класс. С футбольной площадки доносились голоса ребят. А Яшка в тоске водил пальцем по жёлтой крышке парты — в их интернате парты не чёрные, как в простой школе, а жёлтые — и думал.

Может, уйти домой? Вот так встать сейчас, выйти на улицу и уйти совсем. Матери сейчас нет — на работе. Делай что хочешь: бегай во дворе с ребятами, иди в кино. Но мысль эта тут же и погасла. Уйти... А как уйти? Он уже привык к этому солнечному классу с жёлтыми партами, привык вместе с ребятами готовить уроки.

Яшке нравилось, когда их шеф — семиклассник Ваня Касьянов по вечерам тихонько подходил к нему и, будто старший брат, поправлял ему одеяло.

И к ребятам привык. С Антошей Стрешневым они подружились и с Витей Розановым тоже. Они вместе в столовой сидят за столом, вместе дежурят на кухне.

«А что теперь — извиняться?» — вдруг задал себе вопрос Яшка.

И снова насупился, как ёж.

Дверь класса отворилась. Вошёл Ваня Касьянов, весёлый светлоглазый паренёк.

— Ты куда исчез? Ты что тут делаешь?

— Думаю, — угрюмо ответил Яшка.

— Значит, опять что-нибудь натворил? Ну-ка, рассказывай!

Яшка еле-еле, слово за словом, рассказал, что случилось.

— Так чего ж ты думаешь? — удивился Ваня. — Возьми да извинись!

— Не буду я извиняться, — упрямо сказал Яшка.

Ваня вздохнул:

— Эх, и некультурный же ты! Грубить

не стыдился, а извиняться — совестно. А ведь надо-то как раз наоборот!

Но как ни уговаривал Ваня, как ни объяснял, Яшка дулся, словно пузырь, и повторял своё:

— Ну, буду я извиняться!

— Трудный ты человек! — сказал Ваня. — А ведь я тебя искал... Мы там в мастерской подарок к фестивалю готовим, выжигаем по дереву. Хотел и тебя позвать, а ты сидишь тут, думаешь. Ну, думай!

И Ваня вышел из класса. Яшка рванулся было за ним, но потом снова насупился и остался на месте. Ваня ушёл. А Яшка облокотился на парту и заплакал. И сквозь слёзы опять пробормотал:

— Вот ещё! Извиняться!..

Наступил обеденный час. Ребята уже вернулись с прогулки.

В класс вошла Марья Петровна.

— Ты что-нибудь надумал, Яша?

— Я хочу в мастерскую... по дереву выжигать...

— Не могу отпустить, — сказала Марья Петровна, — пока мы с тобой не решим, как себя вести.

— Да... — помолчав, ответил Яшка, — я извинюсь а она опять будет ругаться, что тетрадка грязная...

— Покажи тетрадку.

Марья Петровна взяла его тетрадь, посмотрела, задумалась.

— Почему ты так плохо пишешь, Яша?

— А раз я не могу...

— Ты можешь.

— Нет, не могу.

— А я говорю: можешь! Я ведь лучше знаю. Ты, когда к нам пришёл, постель стелить не умел. Тоже говорил: «Не могу». А ведь научился. И картошку чистить не умел, и пыль вытирать не умел... А захотел — и всему научился. Так и тут: захочешь — и будешь одни пятёрки получать. А ты ведь, ух, какой способный!

В первый раз слышал Яшка, что он такой способный и что он может пятёрки получать. А ведь он уже привык ехать на тройках и на «парах», ему уже было всё равно, что его считают лентяем и пустым человеком. Да он как-то и сам поверил, что он пустой человек и всё равно ничего не может: ни учиться хорошо, ни работать хорошо, ни вести себя хорошо.



— С тобой только надо немножко позаниматься дополнительно, — продолжала Марья Петровна. — А там ты сам пойдёшь! Лишь была бы сила воли. А она у тебя есть.

Яшка уже не глядел так мрачно. Брови его разгладились, глаза посветлели.

— А теперь докажи, что у тебя сила воли есть, — ступай и помирись с Женей. Победить свой трудный характер тоже не легко. Это только сильный человек может. Вот и докажи, что ты сильный человек. Понял?

Яшка кивнул головой.

Марья Петровна хлопнула его по спине:

— Пойдём. Обедать пора.

Яшка побежал мыть руки. Он их мылил и тёр изо всех сил: ему сейчас всё хотелось делать хорошо.

Молча, с решительным видом он спустился в столовую.

Дежурные с повязками на руках разносили ребятам обед. Женя тоже была дежурная. Она только что поставила на их стол тарелки с перловым супом, который Яшка очень любил.

— Скорей, Яша! — махнул ему ложкой Антоша Стрешнев. — Чего опаздываешь?

Яшка не ответил. Смущаясь чуть не до слёз, он подошёл к Жене и пробурчал:

— Извини меня...

Женя тоже покраснела и смутилась.

— Ладно уж! — Она засмеялась, махнула рукой и поспешила к своему столу.

Никто не знал, как трудно было Яшке произнести эти слова. Но он их произнёс. И тут он в первый раз поверил в свою силу воли и в то, что многое сможет одолеть, если победит свой трудный характер.

ВЕСЁЛОЕ ЛЕТО

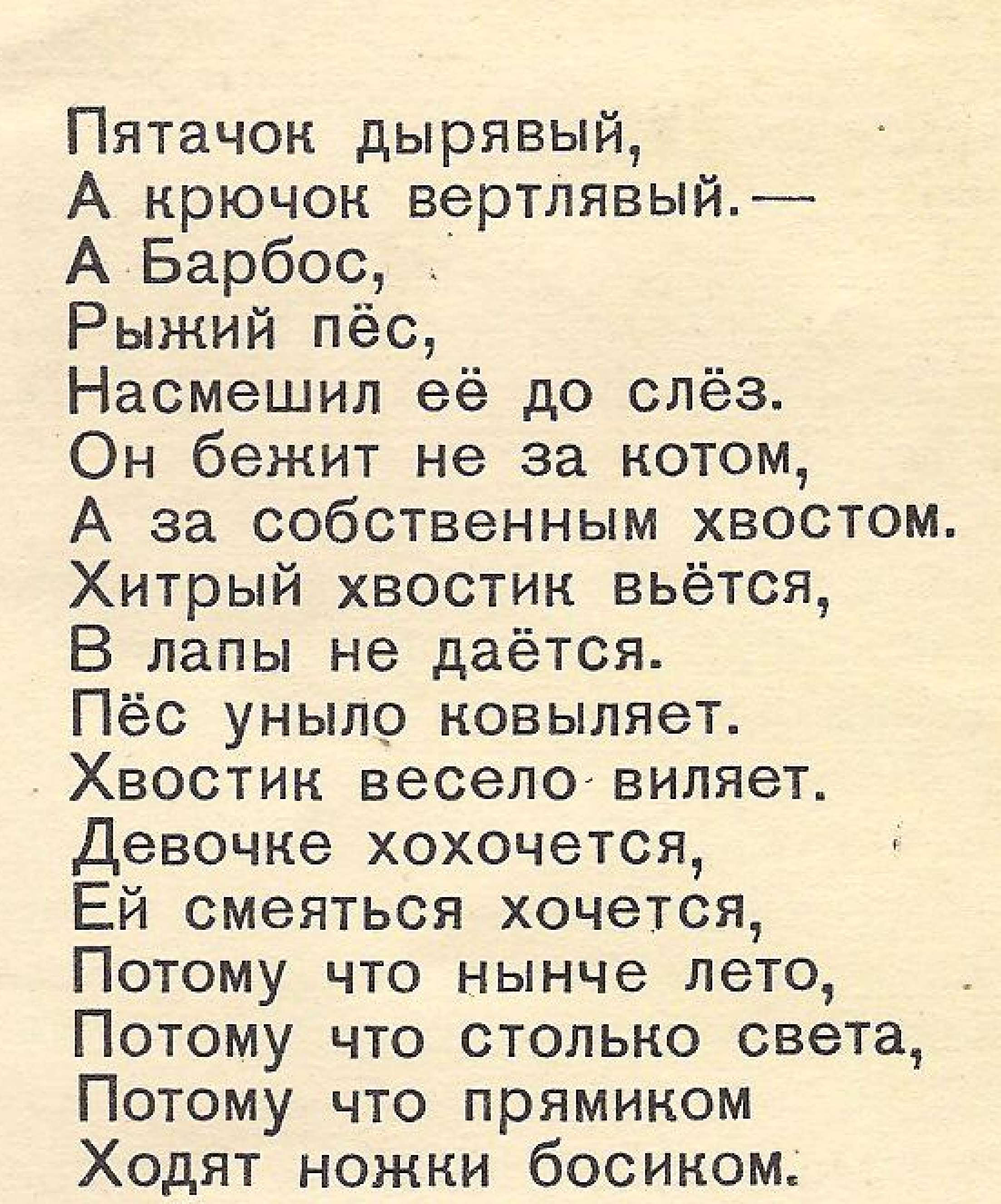
Валентин БЕРЕСТОВ

Рис. В. ГАЙВОРОНСКОЙ

Лето, лето к нам пришло.
Стало сухо и тепло.
По дорожке прямиком
Ходят ножки босиком.
Кружат пчёлы, вьются птицы,
А Маринка веселится.
Увидала петуха,
Засмеялась: — Ха-ха-ха!



Удивительный петух —
Сверху перья, снизу пух! —
Увидала поросёнка,
Улыбается девчонка:
— Кто от курицы бежит,
На всю улицу визжит?
Вместо хвостика крючок,
Вместо носа пятачок.



Пятачок дырявый,
А крючок вертлявый. —
А Барбос,
Рыжий пёс,
Насмешил её до слёз.
Он бежит не за котом,
А за собственным хвостом.
Хитрый хвостик вьётся,
В лапы не даётся.
Пёс уныло ковыляет.
Хвостик весело виляет.
Девочке хохочется,
Ей смеяться хочется,
Потому что нынче лето,
Потому что столько света,
Потому что прямиком
Ходят ножки босиком.



БРЫСЬ!

Р. БАУМВОЛЬ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Девочка сидела на стуле. Подошёл младший братик. Девочка встала и посадила его на свой стул.

Пришёл папа. Мальчик встал и уступил место папе.

Вошла мама. Папа встал.

— Садись, — сказал он маме, и мама села.

Но тут пришла бабушка. Мама встала и подала стул бабушке.

Бабушка села, посидела, да вдруг вспомнила:

— Ай-ай, молоко на плите убежит...

Все бросились в кухню. Пришёл кот, сел на стул, посидел, а потом разлёгся.

Пришли: девочка,
братик,
папа,
мама,
бабушка.

А кот ни с места — лежит себе и поглядывает на всех.

— Брысь, невежа!

ЧТО ЭТО ЗА ОВОЩИ?



Рис. Е. АДАМОВА

Однажды принёс я своей соседке Танечке книжку-раскраску и сказал ей, чтобы она её раскрасила. Танечка не знала, какого цвета огородные овощи, и раскрасила их так вот, как здесь напечатано. Ребята, а как нужно было? Какие это овощи и какого они цвета бывают на самом деле?

На обложке рисунок Н. Жукова — *Макет Е. Афанасьевой*

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, В. ЩЕГЛОВ

Художественный редактор О. Камкин — *Рукописи не возвращаются* — *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать третий — Цена 1 руб. — Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подписано к печати 24/V 1957 г. — Бумага 60×92 1/8=1,5 бум. л.=3 печ. л. — Уч.-изд. л. 2,8 — Тираж 1 000 000 экз. — Заказ 878

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.